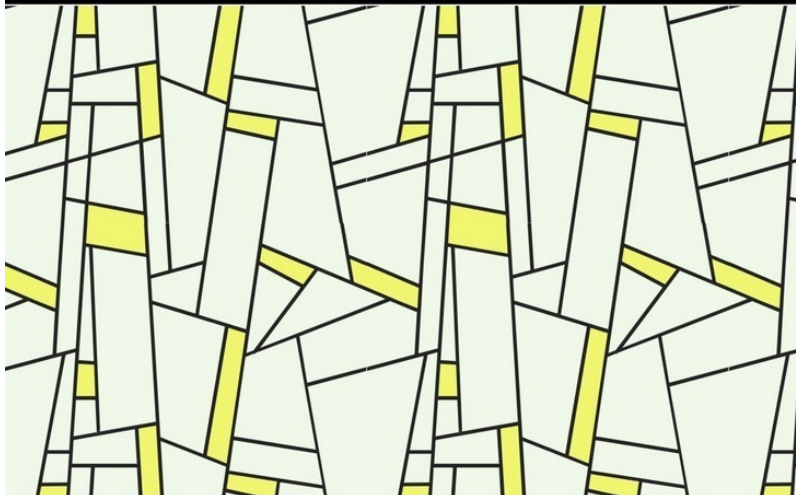

Саид Бейя

*Мой
невидимый мир*

Учитель

Саид Бейя

Мой невидимый мир. Учитель

<https://litres.ru/73872325>

ISBN 9785006981812

Аннотация

«Что произойдет, если последний учитель уйдет за сверкающий шлагбаум отеля? В этой книге «Амзара» предстает не курортным раем, а полем битвы за будущее. Автор предупреждает: у любого металла есть предел усталости, и если эти «невидимые герои» замолчат — за ними придет пустота, которую не заполнить никакими инновациями. Это честный разговор о том, на чем на самом деле держится жизнь в нашем крае».

Содержание

Фундамент из памяти	12
Арифметика выживания	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мой невидимый мир

Учитель

Саид Бейя

© Саид Бейя, 2026

ISBN 978-5-0069-8181-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Мой невидимый мир:
Учитель.**

Утро в Амзаре не наступает по звонку будильника. Оно медленно выплывает из-за темных громад гор, окрашивая море в цвет холодного сланца. Прежде чем выйти из дома, я всегда подхожу к окну. Это мой ежедневный ритуал гадания на «педагогическую пригодность»: если верхушки вековых сосен гнутся под порывами морского ветра, а небо над побережьем напоминает пролитые чернила, значит, сегодня мой путь к знаниям превратится в полосу препятствий.

Я выхожу за порог, и первое, что меня встречает, — это густой, почти осязаемый аромат. В Амзаре воздух можно пить вместо утреннего кофе. В нем смешано всё: терпкая

сосновая смола, йодистая соль прибоа и далекий, едва уловимый запах мандаринового цвета из глубины бывшего совхоза. Это единственная роскошь, которую наш край дарит учителю бесплатно и в неограниченном количестве.

Но стоит опустить взгляд от величественных крон к своим ногам, как поэзия Амзары мгновенно сменяется суровой прозой.

Дорога к школе — это не просто путь, это вековая летопись нашего общего беспутья. Потрескавшийся серый асфальт, который помнит еще шаги моих родителей, здесь окончательно сдается перед натиском вязкой, рыжей глины. Грязь в Амзаре обладает памятью и характером: она обволакивает подошву с нежностью старого друга, который всеми силами старается удержать тебя дома.

Я иду по самому краю, балансируя на скользких камнях, как заправский канатоходец. В одной руке у меня тяжелый портфель с тетрадями и учебником истории, в другой — зонт, который в наших краях часто служит не столько защитой от дождя, сколько балансиром. На мне единственные приличные брюки и отглаженная сорочка. Через полчаса я должен войти в класс и говорить о «высоких идеалах», «гармонии античного мира» и «чести гражданина». Но пока всё моё гражданское мужество уходит на то, чтобы не поскользнуться и не рухнуть в это чавкающее месиво, которое не щадит ни галстуков, ни репутаций.

Мимо, обдавая меня веером грязных брызг из глубокой

колеи, проносится белоснежный внедорожник. Он несется в сторону побережья, где один за другим выросли нарядные пятизвездочные отели. Там, за коваными заборами, другой мир. Там жизнь пахнет дорогим парфюмом, там идеальные дорожки и шведские столы. Там люди платят за одну ночь сумму, превышающую моё месячное жалованье вместе со всеми надбавками за «сложность и напряженность».

В этом контрасте — вся суть нашей нынешней жизни. Отели приносят прибыль сегодня, в этот конкретный туристический сезон. А школа... школа приносит плоды через двадцать лет. Но кто из тех, кто нажимает на газ в этих лакированных машинах, привык заглядывать так далеко в будущее? Для них мы — невидимые тени в густом сосновом бору, досадная помеха на пути к комфорту.

Я провожаю взглядом исчезающую машину, поправляю съехавший портфель и делаю следующий шаг в жизю. Мой марафон только начинается.

Каждый мой шаг по этой вязкой колее сегодня — это не просто движение к школе, это гулкое эхо в лабиринтах памяти. Я иду, и сквозь пелену нынешнего тумана проступает совсем другая картина.

Я вижу себя со стороны — маленького мальчика в курточке, которая была мне явно велика. Идет такой же проливной дождь, какой бывает только у нас, на побережье: тяжелый, шумный, пахнущий мокрым асфальтом и старой хвоей. Я иду, вцепившись в теплую, надежную ладонь отца.

Отец вел меня в школу, и в его другой руке был огромный черный зонт. Я помню этот купол как самую надежную крепость в мире. Папа старался прикрыть меня как можно лучше, подставляя под косые струи ледяной воды собственное плечо. Я чувствовал, как его пиджак становится тяжелым от влаги, но надо мной было сухо и спокойно. Он молча выбирал для меня островки твердой земли, направляя мои неуклюжие детские шаги, и в этом его молчании было больше любви, чем в тысячах красивых слов.

— Поднимай ноги выше, Леон, — тихо говорил он, когда мы подходили к школьной аллее. — Береги ботинки, нам в них еще долго ходить.

И именно тогда, из-под края этого спасительного зонта, я впервые по-настоящему увидел ЕГО.

Основное здание нашей школы. Оно возвышалось впереди не как храм знаний, а как обугленный, страшный памятник беде. Пожар, случившийся незадолго до этого, превратил наши светлые классы в черное пепелище. Это был жуткий, израненный скелет здания, который смотрел на нас пустыми, выжженными глазницами окон. Огромный, почерневший от сажи и горя, он казался мне, ребенку, злым великаном, укравшим наше будущее.

Я помню, как остановился тогда.

Дождь барабанил по зонту, отец чуть потянул меня за руку, призывая идти дальше, к уцелевшим корпусам, но я не мог оторвать взгляда от этого пепелища. В моем детском

сердце, еще не знавшем сложности жизни, вдруг закипела такая острая, недетская обида.

«Почему? — думал я, глотая слезы, смешанные с дождевыми каплями. — Почему у нас такая дорога? Почему наша школа черная?»

Именно в ту минуту, под прикрытием отцовского зонта, я дал себе первую в жизни клятву. Я смотрел на эти обгоревшие стены, на этот черный остов, и шептал про себя, сжимая маленькие кулаки: «Когда-нибудь я вырасту. Я стану большим и сильным. И я снесу тебя. Я уберегу эту боль с нашего школьного двора. Здесь больше не будет ничего черного».

Я не знал тогда, что спустя тридцать лет я вернусь сюда в кресле директора. Не знал, что буду биться за каждый метр штукатурки и за каждую работающую трубу. Я просто запомнил это чувство: тепло отцовской руки и холодную, мертвую тишину сгоревшей школы.

Отец давно ушел. Его зонт больше не прикрывает меня от жизненных штормов. И то черное здание всё еще стоит там, за пеленой сосен, как немой укор времени. Но каждый раз, когда я вхожу в школьный двор, я слышу тот самый шепот маленького мальчика. Мы не снесли его физически — у школы нет на это ни техники, ни миллионов в бюджете. Но всё, что мы делали потом — варили калитки, возвращали воду, красили спортзал — было нашей попыткой победить этот пепел внутри себя. Мы строили жизнь на краю руин, доказывая, что человек сильнее любого пожара.

Я стряхиваю воду с нынешнего зонта и вхожу в старый, уцелевший корпус. Моя клятва всё еще в силе. Просто теперь она звучит иначе: не разрушить, а сохранить то, что осталось, и не дать новой тьме поселиться в душах тех, кто сегодня идет за руку со своими отцами по этой же грязной дороге.

Школа в Амзаре — это не только два уцелевших корпуса и черные шрамы пожара на стенах. Это прежде всего живая цепь характеров, протянутая сквозь десятилетия. Когда я иду по этой аллее, я чувствую, что каждый метр здешней земли пропитан не только солью моря, но и невероятным терпением тех, кто шел впереди меня.

Я смотрю на старый, потрескавшийся асфальт, сквозь который, как упрямая надежда, пробивается ярко-зеленая трава. Это та самая дорога, по которой десятилетиями, в любую непогоду, шел наш невидимый «почетный караул».

Впереди меня, кутаясь в неизменную шаль, идет Нателла Вахтанговна Багателия. Учитель русского языка и литературы.

Она не преподавала мне лично, но учила мою сестру, и в нашей семье её имя всегда произносилось с придыханием. Пятьдесят лет — вдумайтесь, полвека! — она каждое утро преодолевает этот путь. Пятьдесят зим она месит эту глину, неся в руках тяжелую сумку с нашими тетрадями. Дай Бог ей крепкого здоровья, ведь её стать кажется прочнее здешних скал. Она идет мимо руин, мимо сверкающих отелей, неся в

себе ту самую «классическую» тишину, которую не купить ни за какие гранты.

Рядом с ней в моей памяти оживает образ Ларисы Серафимовны Третьяковой. Мой учитель математики, строгая и мудрая женщина, которая сейчас уже на заслуженном отдыхе. Сколько теорем было доказано ею в этих тесных кабинетах, пока за окном шумел шторм, и размывало ту самую дорогу?

Она ушла на пенсию, оставив после себя сотни учеников, умеющих считать не только цифры, но и цену человеческой порядочности.

И, конечно, моя классная руководительница — Галина Дмитриевна Торгашова. Судьба распорядилась так, что теперь мы с ней — коллеги. Мы здороваемся в учительской на равных, но каждый раз, когда я вижу её, входящую в класс, я вижу ту самую молодую и энергичную наставницу из моего детства. Она всё еще в строю, всё еще преодолевает эти бесконечные лужи.

Она — живой мост между тем мальчиком под отцовским зонтом и мужчиной, который сегодня сам открывает школьную дверь.

Я задаю себе этот немой вопрос, глядя на их незримые следы впереди:

«Неужели за полвека эти великие женщины не заслужили хотя бы полоски ровного асфальта?»

В наше время подвиг учителя в Амзаре — это уже не толь-

ко дать знания. Подвиг начинается гораздо раньше — в тот момент, когда ты просто решаешь дойти до школы. Перешагнуть через жижу, в которой отражаются пятизвездочные отели, и не повернуть назад. Не соблазниться чистотой тех мест, где ценят только туриста, но не того, кто растит будущее этого края.

Я подхожу к крыльцу. Грязь Амзары неохотно отпускает мои ботинки, оставляя на них серые разводы. Я расправляю плечи, поправляю галстук.

Я знаю: если Нателла Вахтанговна, Лариса Серафимовна и Галина Дмитриевна не сдались за все эти годы, то и я не имею права опускать руки.

Я вхожу в школьное фойе. Здесь пахнет мокрой хвоей, мелом и чем-то очень родным. Мой рабочий день начинается.

Фундамент из памяти

Если вы спросите, на чем на самом деле держится наша школа в Амзаре, я не буду показывать вам отчеты или планы застроек. Я просто укажу на одно окно в старом корпусе, где когда-то был кабинет директора. Там, за столом, заваленным тетрадами в клетку, десятилетиями вершилась самая важная математика в мире — математика человеческого достоинства. Имя этой математики — Вартануш Андреевна Дашян.

Она — Заслуженный учитель математики Абхазии, человек, для которого числа всегда были языком высшего порядка и гармонии. Но жизнь однажды предъявила ей счет, который невозможно было оплатить никакой логикой. В то страшное мартовское наступление она потеряла самое дорогое — своего единственного сына. Он ушел в бессмертие, оставив в её сердце зияющую пустоту, которую не заполнить никакими интегралами.

Я часто думал о том, как она выстояла.

Любой другой человек на её месте мог бы закрыться от мира, утонуть в тишине своего дома, глядя на море и оплакивая несправедливость судьбы. Но Вартануш Андреевна сделала то, что под силу только великим душам: она превратила свою невосполнимую потерю в безграничную преданность чужим детям. Она не просто продолжала учить — она стала

живым щитом для каждого из нас.

В её взгляде — строгом, внимательном, чуть печальном — всегда читалась мудрость человека, который уже всё видел и ничего не боится. Для неё не существовало «средних» учеников. Каждый ребенок был для неё уравнением, которое нужно было решить правильно, чтобы в конце получился Человек. Она не просто извлекала корни — она искала корни нашей порядочности, нашей любви к этой земле, за которую её сын отдал свою жизнь.

Настоящее испытание для Вартануш Андреевны как для Директора пришло не в годы войны, а в ту страшную ночь, когда основное здание школы превратилось в гигантский костер. Я помню этот едкий запах гари, который месяцами висел над Амзарой. Когда рассвело, перед нами предстало пепелище — израненный черный скелет здания, который казался окончательным приговором школьному образованию в нашем совхозе.

Казалось, наступил конец.

Инфраструктура была уничтожена, кабинетов не осталось, отчаяние витало в воздухе. Но именно тогда проявилась та самая «математическая точность» её характера. Пока другие оплакивали руины, Вартануш Андреевна, не повышая голоса, начала сшивать школу заново из того, что уцелело.

У нас осталось только два боковых корпуса. Тесных, холодных, не приспособленных для такого количества детей.

Но под её руководством эти стены стали крепостью. Она лично вымеряла каждый метр, распределяла классы, латала дыры и деликатно, но твердо убеждала нас, учителей:

— Школа — это не стены, коллеги. Это мы с вами. Пока мы входим в класс и открываем книгу — школа жива.

И мы входили. Мы начали ту самую жизнь «на бегу» между двумя корпусами. В дождь, в слякоть, через ту самую непролазную грязь Амзары, мы бегали из одного здания в другое, стараясь не выпустить из рук журналы и тетради. Вартануш Андреевна всегда стояла на пороге, встречая этот марафон. Она знала цену каждому ребенку, перебегающему через лужи. Для неё сохранение учебного процесса в этих условиях было личным фронтом, её собственной битвой за будущее, за которое погиб её сын. Она не дала школе рассыпаться на части, превратив два холодных корпуса в единый, пульсирующий жизнью организм.

Сегодня Вартануш Андреевна на заслуженном отдыхе, на пенсии. Но было бы высшей несправедливостью сказать, что она ушла из школы. Человек такого масштаба не уходит — он становится частью атмосферы, невидимым нравственным ориентиром, который ощущается в каждом коридоре.

Когда очередной ливень заливает нашу разбитую аллею и ноги вязнут в глине, я невольно вспоминаю её.

Я вспоминаю, как она, маленькая, но великая женщина, шла по этой же грязи, неся в руках свет, который не смог потушить никакой пожар. Забыть её — значит предать саму

суть нашей профессии в Амзаре. Она научила нас главной формуле: «Директор — это тот, кто последним покидает тонущий корабль и первым начинает строить новый, даже если из материалов у него — только вера в своих людей».

Её уроки продолжаются и сегодня. Они звучат в голосе нашей Завуча, когда та собирает выпускников на ремонт зала. Они видны в мозолях нашего физрука, устанавливающего кольца. Они — в моем собственном решении остаться здесь, у самого моря, несмотря на все соблазны «красивой жизни» за забором отеля.

Мы стоим на фундаменте, который заложила она. И когда я вхожу в класс и вижу тридцать пар глаз, я чувствую на себе её взгляд — требовательный и добрый. Вартануш Андреевна Дащян доказала нам, что память о павших героях живет не в гранитных памятниках, а в том, как мы учим детей читать, думать и любить свой дом, даже если этот дом опален огнем и разделен на корпуса. Она — сердце Амзары, которое продолжает биться в каждом из нас.

Арифметика выживания

Школьный звонок в Амзаре — это не просто сигнал к началу урока. Это резкий, дребезжащий звук, который обрывает нить размышлений о вечном и возвращает в гулкое фойе, пахнущее хлоркой и мокрой хвоей. Мы входим в учительскую, где под выцветшими портретами великих педагогов прошлого вершится наша маленькая, будничная трагедия.

На столе — ведомость. Если вчитаться в неё, можно увидеть сухую цифру, за которой скрывается главная несправедливость нашего времени.

1500 рублей.

Столько в нашем мире оценивается «классное руководство». Это цена того, что учитель тридцать дней в месяц является для тридцати подростков адвокатом, следователем, психологом и круглосуточным дежурным в родительских чатах. Эта сумма — не плата за труд, это символ того, насколько «невидимым» стал внутренний мир педагога для большой системы. На эти деньги в магазине у соседки Марины едва ли купишь три пачки чая, но за них от учителя требуют полной самоотдачи, будто он — монах, принявший обет нищеты.

В это же время за окном, за кованой оградой сверкающего отеля, мы видим Мурата. Наш бывший историк, человек, который мог часами с горящими глазами рассказывать о падении Константинополя, теперь стоит у шлагбаума. Он в без-

упречной черной форме, подтянут, с рацией на плече. Его главная задача — вежливо кивать тем самым людям на внедорожниках, что обдают нас грязью по утрам.

Мурат не предатель. Он просто человек, который захотел быть сытым и спокойным. Там, за золоченым шлагбаумом, его «молчание и наблюдение» стоит в три раза дороже, чем наше самое вдохновенное слово в классе.

Система в Амзаре создала удивительный парадокс: труд учителя, требующий высшего образования и колоссальных душевных затрат, в глазах ведомости уравнился с базовым физическим трудом. И в этом нет вины мамы Илоны, которая убирает номера в том же отеле, — её труд честен и тяжел. Трагедия в том, что просвещение в нашем мире больше не имеет «добавленной стоимости», превращаясь в чистую благотворительность.

Если мужской ропот на зарплату еще можно списать на амбиции, то жизнь женщины в начальной школе — это чистая, беспримесная трагедия, упакованная в отглаженный учительский жакет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.